

ИХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНЬ

Berlin, 12. August 1926.

Wochentag-Ausgabe Nr. 154

1730-й

Четвертъ, 12 Августа 1926 г.

7-й г. изд.

Берлинъ, 11 августа.
Мало на свѣтѣ событий способныхъ въ такомъ мѣсяце дѣло. Въ возбуждать общественные страсти, какъ судебная ошибка, въ особенности же когда появляется подозрѣніе въ сознательной подготовкѣ. Старшимъ поколѣніемъ было еще памятно дѣло Дрейфуса за пропагандами которого со всею возрастающей волненіемъ годами слѣдили буквально во всѣхъ концахъ образованія мира. Достаточно было подозрѣніи, что вслѣдствіе перешедшаго въ уѣзрѣніе, что французскій еврей-капитанъ является жертвой похода нѣкоторыхъ тѣловъ французского генерального штаба, поддержаныхъ антисемитизмомъ и плохо понятыхъ национализмомъ, — чтобы мирѣйшихъ обывателей бросить въ отчаянную сквачину, чтобы вызвать подлинный кризисъ социтета. И имѣна полковника Пикара и омыла Боля, бросившаго свой знаменитый «J'accuse», который привелъ его къ потерѣ популярности, на скамью подсудимыхъ, въ изгнаніе — не исчезнутии тѣхъ странницъ истории французской общности, на которыхъ записаны его честные имена.

Не всегда совѣсть современного че-
вѣка примиряется съ бѣдствіями, стихиющими даже подлинно виновныхъ. Но тамъ имѣется сознаніе не только того, что онъ вызвалъ вину, но того, что онъ служить обеспеченію виноваго. Что же остается когда исходитъ или хотя бы колеблется это сознаніе. А въ особенности что остается, когда появляется хотя бы подозрѣніе, что мощь государства преслѣдуje беззаконного человека, нарушающаго свои собственные законы. Тутъ возрастаетъ чувство справедливости. Тутъ подымается голосъ самосохраненія. Если отъ руки не приходится зарекаться не тому, что всякий человѣкъ слабъ, а тому, что судебныи рецессъ могутъ рушиться на безвиннома, то всякий существуетъ себѣ подъ ударомъ и для него исчезаютъ стимулы соблюденія государственныхъ вѣтъній.

И потому насторожилось общество, члены котораго, когда узнали, что магдебургскій слѣдователь арестовалъ крупногороднаго предпринимателя Гааза по обвинению въ организаціи убийства бывшаго бухгалтера — будто съ цѣлью скрыть совершиліе налоговая уголовка, въ особенности когда оказалось, что таинственнѣе утаѣсь чиновниками налогового вѣдомства найдено не было. Сугубо насторожилось когда выяснилось, что слѣдователь держитъ заподозренія другого достовѣрнаго, Шредера, пользующагося особыми преимуществами, при томъ что указаниемъ его, послѣдователь оказалася неосновательными. Но въ особенности поднялось волненіе, когда обнаружилось, что опытные берлинскіе уголовные комиссары доподлинно выясняютъ совершиліе иной картины преступленія и что слѣдовательъ ними отказывается работать; когда казалось, что слѣдовательъ съ необычайно рѣзкими выпадами информируетъ печать только одного — праваго политического направленія. Здѣсь не просто прослѣживать всѣхъ перипетіи тѣла; достаточно отмѣтить, что новые берлинскіе комиссары, получивъ порученіе прокурора, съ необычайно быстрой завершили дѣло, арестовавъ возлюбленную Шредера, получивъ отъ нея и отъ него полное признаніе, найдя

конечно, для неизвестно просидѣвшаго въ предварительномъ заключеніи около двухъ мѣсяцевъ — это утѣшѣніе недостаточное. Конечно, для нѣмѣншаго государственноаго аппарата и общества остаются вопросы, какъ это случилось, и забота, чтобы это больше случилось

окровавленную мебель и проч.; и когда при всемъ этомъ слѣдователь посыпъ нового допроса все же выпустилъ возлюбленную Шредера на свободу, — тогда отступились отъ него даже его прежніе сторонники.

Каковы бы ни были мотивы слѣдователя: упорство въ случайной ошибкѣ или, какъ нѣкоторые предполагаютъ, политическая предвзятость или антисемитское ослѣпленіе — во всякомъ случаѣ, общество поняло, что совершился судебная неправда и заработалъ общественный механизмъ: уголовная полиція, администрація, прокуратура, судебныи инстанціи, печать. Не прошло двухъ мѣсяцевъ и Гаазъ съ двумя другими невинно арестованными освобожденъ надлежащей судебнай инстанціей, противъ слѣдователя возбуждено дисциплинарное производство. Общественная совѣсть получаетъ удовлетвореніе.

Конечно, для неизвестно просидѣвшаго въ предварительномъ заключеніи около двухъ мѣсяцевъ — это утѣшѣніе недостаточное. Конечно, для нѣмѣншаго государственноаго аппарата и общества остаются вопросы, какъ это случилось, и забота, чтобы это больше случилось

Подписьная цена: Въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкою ежедн., на домъ 4,30 мар. зол. въ мѣсяцъ. Во всѣхъ почт. учрежд. Германіи 4,30 мар. зол. въ мѣсяцъ (и по 35 зол. по почт. рож. за доставку). Въ Германіи въ Европѣ, странахъ Австро 8 шил., Греции 12 шил., Болгаріи 15 шил., Греции 15 шил., Испанію 8 — поз. Италію 25 лир., Латвию 5 — поз. Литву 11 — поз. Луксембургъ 25 бель., франц., Норвегію 4,50 коронъ, Польшу 1 — поз. дол. Португалию 20 — эскуль, Румынію 250 лір., Туркію 200 пашт., Финляндію 4,50 мар., Францію 30 — фр. фр., Чехословакію 30 — ч. кр., Швейцарію 6 — шв. фр. Францію 30 — шв. кр., Эстонію 40 — эст. мар., Югославію 30 — ю. мар. Во всѣхъ остальныхъ странахъ Азии 5 — 5 эст. мар., Индіи 3 — 3 гонд. Америке, вообще 120 поз. Аргент. рес. 3, б. сум. позо, Бразилии 8,000 мильр., Чили 12,50 б. позо; Африка, Англ. влаз. 5 англ. шил., Италиїнск. влаз. 25 шт. лир., Франц. влаз. 30 — франц. фр., влаз. въ мѣс. Кто заказалъ просить прилагать деньги во избѣженіе замѣдленія высылки.

Объявленія: Цена въ золотыхъ маркахъ: Праймъ объявленій и подписки Berlin SW 68, Zimmerstrasse 7-8. Редакція (тамъ же) открыта ежедн. съ 11 час. утра до часа 12. Редакторъ принимаетъ отъ письма отъ 4,25 — 4,50 зол. поз. телефона 2500 и конторы Центрумъ 7949 и 7995. Текущіе почтовые счета: Для Германіи Postscheck Berlin № 2716, Чехословакіи Post brief 4 зол. 40 коп., Прага № 77861. Польши R. K. O. Warsaw Dobre № 6958 Сокращ. адресъ телеграммъ Rulzeitung Berlin.

Основанъ I. B. Гессеномъ, проф. А. И. Каминина и В. Д. Набоновъмъ †

ществлению жизненного подвига, который был так туждъ идеологическим настроикам, въ действительности дать наименее сильный толчек именно въ той области, которой онъ такъ чукался. Въ католицизмъ онъ внесъ свою духовную красоту, пѣльность настроений, глубину вселенского экстаза. Осуществить и осуществить его завѣты, такие безжиротные и вымѣтъ съ тѣмъ такъ безжиротны труды, было дано немногимъ, но ихъ притягательная сила была огромна. Францискъ Ассизскій внесъ въ католичество наивѣкъ вселенские, наименѣе общеповѣтственные элементы; его ученіе связано съ католической церковью исторически, въ своихъ общеповѣтственныхъ основахъ оно совершенно самостоительно и независимо отъ нея.

Мысли о театре.

Въ одномъ изъ кинематографовъ Парижа поставили картину: «Похоронки» принципа Ахмада. Фильмъ отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что на экранѣ вместо живыхъ людей — вырѣзанные изъ бумаги силуэты; такъ какъ любили вырѣзывать во дни нашихъ бабушекъ, и прабабушекъ.

Однѣ изъ театральныхъ критиковъ кн., Сергея Волконскаго, посвятили этой фильму восторженную статью. Но его словамъ, это «одно изъ самыхъ очаровательныхъ артистическихъ, какихъ себѣ можно вообразить». Но это — куда ни шло, въ статьѣ выказывается радость, что эта сказка разыграна не живыми людьми: «Люди всегда нарушаютъ сказку; эта движущаяся плоть и кровь актерская не можетъ, вѣнъ, дать впечатлѣній необычности; эти ужасно подведеніе глаза разѣвѣютъ ввести въ кругъ очарованія?»

Тотъ, кто не только любить театръ, но и вдумывалась въ него, писалъ о немъ, не можетъ пройти мимо такой постановки воропса: это далко переходитъ границы данной постановки конкретного явленія — это вопросъ о самой сущности театра. Что является его сущностью? Шекспиръ полагалъ, что «цѣлью его всегда было, есть и будетъ изображать дѣйствительность», и потому — «все, что изыскано, противорѣчитъ задачамъ театра».

Противъ такого рѣшенія вопроса война объявлена уже давно и крупнейшей жертвой новыхъ течений сдѣгалась великая, но обыкновенная артистка Вѣра Федоровна Комиссаржевская.

Комиссаржевская пришла въ — простая, всѣ — естественность и эта полнота простоты была полнотою сказки, чуда.

Проста, прекрасна и естественна, какъ радостное утро, какъ полны грусти вечера, какъ насыщенная электричествомъ ночь. Ничего такого будто бы не дѣлано, чтобы создать сказку, чудо, а сказка и чудо соединились. Была пришедшая изъ другого мира, съ тобою самой пѣсней, которую пѣлъ ангелъ, летѣвшій по небу полуночи. И вдругъ начали убѣждать Комиссаржевскую, что все, созданное вами, неповторимы художникомъ — не то, Всеволодъ Миронъ, Вячеславъ Ивановъ, Валерий

Брюсовъ, Федоръ Сологубъ убѣдили, что въ ней «движущаяся плоть и кровь актерская», что они «не могутъ дать впечатлѣнія необычности», что нужно...

Нужно какъ разъ то самое, о чёмъ говорилъ кн. С. Волконскій — нужна марionette и «еще большее упрощеніе, потому что въ марionеткахъ остается трехмѣрность, здѣсь же человѣкъ приведенъ къ образу двухмѣрности и «мы начинаемъ опровергать, что именно въ этомъ залогъ сквачности».

И Комиссаржевскую лишили естественности. Заставили двигаться какъ двигаются марionettes; заставили монотонно, мертвенно скандировать слова; заставили такъ обѣваться становиться, чтобы представляться нарисованной на окружающемъ фонѣ — потерять трехмѣрность. Лицо и руки, и все видимое тѣло красили зеленою или лиловою краской, чтобы не было похоже на живого человѣка.

Огромная актриса была жаждущей душой. Интеллигентъ большой и прекрасной оказался ниже таланта, а талантъ позволилъ себѣ обмануть. И Комиссаржевская умерла ранѣе, чѣмъ ее убила оса: она спачала съ величимъ сомнѣніемъшла по новой дорожкѣ, а потомъ съ великимъ печалью и пессимизмомъ поняла, что ее забыли не туда, куда она стремилась.

«Ваша путь — не мой путь» — написала она Миронольду, и объявила, что находитъ покинутую сцену.

Тутъ Миронольду быть правъ: «изъ моей школы или въ моемъ театре, или никуда».

Съ тѣхъ поръ много опыта предъѣздили, съ цѣлью лишить театръ жизненности, естественности. Миронольду напалъ арена необыкновенна и съ необыкновенной удачей получаетъ необыкновенные достижженія.

Все это живо припоминалось мнѣ, когда я прошелъ восхваленіе кн. Волконскими силузтами, являющихся благодаря двухмѣрности усовершенствованіемъ марionettes. И мнѣ стало больно.

Мнѣ уже давно болѣе вслѣдствіе вытравленія человѣческого существа какъ въ жизни, такъ и въ искусствахъ.

Кинематографъ уже самой сущностью своей оскорбилъ человѣка, отнявъ у него его величайшее достоинство — слово.

«Ты — чудо изъ божьихъ чудес — своеное слово.»

Прекрасный актеръ можетъ быть до постѣдѣнья предъѣздило выразителенъ въ лицѣ, фигуры, мимикѣ, жестѣ, но если въ придачу къ тому, ему дать талантливое творческое слово, уточняющее мысли и если это творческое слово оно творчески передастъ — насколько же усилится, углубится впечатлѣніе!»

«Благодаря слову.»

«Страданіе слова — благородное страданіе» — сказалъ Достоевскій. Благородное потому, что растѣть, напрягаться, приподнѣвается душа, чтобы проложить мысли человѣческимъ новымъ, болѣе тонкимъ и высокимъ путемъ.

Нестертое слово рождается глубокимъ умомъ и для восприятія требуетъ работавшаго мозга.

Печатать, съ языкомъ, съ марionettами, на торю тишинѣ.

Генбену, увѣренъ, эта сказка-фильмъ тоже понравится, но, конечно, гораздо менѣе, чѣмъ если бы онъ увидѣлъ ее въ видѣ фееріи, въ театрѣ, съ актерами, у которыхъ «двигущаяся плоть и кровь». Поэтому что дѣти и въ сказкѣ вовсе не желаютъ уйти отъ дѣйствительности; они сливаютъ сказку съ дѣйствительностью; въ жизни для нихъ такой беззаконій, они преосвѣтлено находятъ мѣсто для сказки и хотятъ, чтобы сказка была правдой.

Въ Москвѣ.

Москва папа велика и обильна, по порядку въ ней чрезмѣрно много, благодаря тому жить становится почти невозможнѣ. Яркими доказательствомъ служитъ хотя бы тотъ фактъ, что на вокзалахъ вообще, а въ частности на Брянскомъ, при выходѣ стоятъ контроли и просить предъѣзжать билеты.

Километры пыли и вѣтра, торчаніе въ коридорахъ и уборныхъ, независимый видъ человѣка, въ то время когда на дѣлѣ онъ залѣзъ, все это преодолѣо. Желанный городъ пытается поглотить. Съ одной стороны нѣкогда затачать, съ другой мѣсяцъ, между ними весна. Даже послѣдній контроль и тѣтъ позади. Вилетная толпа увлекается за собой беззаконіемъ и выноситъ его на площадь... Въ карманѣ у него ни копѣекъ, въ карманѣ ни крошки, въ память адреса человѣка, который долженъ ему двадцать два рубля, сумма вполнѣ достаточная для того чтобы начать новую жизнь.

Беззаконіемъ отѣгъ изыскано: брюки его лопаются, какъ шелкъ, рубашка сквозитъ словно кружево, а шляпа пѣтъ вонсъ. Взамѣнъ нея совершилась гладкіе волосы, въ которыхъ есть, однако, пѣтъ изорванъ. Профессиональны книжки, при немъ на наблюдаются, псевдоимена его: «Георгій З.» написаны на первомъ листѣ его вѣхъ записной книжки. Настоящаго же имени не знаетъ, какъ будто никто, за исключеніемъ, послалъ, учрежденіи, такъ долго и такъ бережно державшаго его взмотрѣ.

Теперь отъ свободы и, заложивъ руки въ плащевые брюки и глядя на мѣръ быстрыми зелеными глазами, онъ идетъ бульварами и молоденской лунѣ глубоко сквозь лицо его гладкую русую голову.

Георгій З. припнувшись смотрѣть на луну и думаетъ:

Яркий образецъ советскаго правосудія рисуютъ отчетъ «Правды». Характеръ уже и само по себѣ загадка, которое газета даетъ отчетъ.

Быть породившій преступление.

Иначе говоря газета обращаетъ вниманіе читателей на то, что преступление вызываетъ тѣмъ бытъ, который раздражуя вопросы установления советской власти. Случай, который газета описываетъ есть типичный для нашихъ дней семейно-бытовой конфликтъ.

Онъ состоялъ въ томъ, что гражданинъ Кунцъ, перѣѣхавъ изъ Киева въ Москву, присыпалъ свою жену къ ребенку и сошелъ съ собою, которая его устроила на службу. Когда жена уговорила его вернуться къ ней, онъ тѣкъ и отѣчъ чѣмъ.

Не могу же я уйти отъ Леваковой. Она меня на службу устроила. — Уйду — скратить.

Когда жена этого советскаго гражданина дошла до постѣдній предѣловъ отчаянія между ними однажды произошелъ диалогъ. На угрозы жены, что она покончитъ самубийствомъ, она получила въ ответъ:

Смотрѣть легче чѣмъ слушать. Изъ видѣнія человѣка высираетъ, что хочетъ; слышаешь требуетъ, чтобы его восприняли цѣлымъ.

Нѣсъ, лишенная словъ — доступнѣй. Всакій безъ напряженія вѣбраетъ ее въ мѣру своей глубины или плоскости.

Вотъ почему новѣдомые авторы фильмъ затолкали, уничижили Шекспира.

И вотъ искусство, уже обкраденное, обкраденное въ словѣ, хотятъ обкрастъ сугубо, требуя: «двигущуюся плоть унижить, «двигущую кровь» лишить.

Я захотѣлъ провѣрить опытомъ теорію, — поспѣхъ смотрѣть фильмъ «Похоронки принципа Ахмада» — сказала Мила, широкогрудая, знакомая намъ съ дѣствіемъ по множеству вариантовъ. Индійскіе и китайскіе принцы, дѣвушки превращающіеся въ птицы, чародѣй и его жертва, принимающіе всевозможныя образы — все это стало для насъ трафаретомъ, элементарно, наивно, и идея воплотить это въ трафареты, элементарные, наивные, вырѣзанные изъ бумаги маги силузы — оригинальна, забавна и интересна своей новизной.

Пресыщены мы. Съ воїдущей жизнью наше на торю тишинѣ.

Генбену, увѣренъ, эта сказка-фильмъ тоже понравится, но, конечно, гораздо менѣе, чѣмъ если бы онъ увидѣлъ ее въ видѣ фееріи, въ театрѣ, съ актерами, у которыхъ «двигущаяся плоть и кровь». Поэтому что дѣти и въ сказкѣ вовсе не желаютъ уйти отъ дѣйствительности; они сливаютъ сказку съ дѣйствительностью; въ жизни для нихъ такой беззаконій, они преосвѣтлено находятъ мѣсто для сказки и хотятъ, чтобы сказка была правдой.

прохожий, будьте добры быть свидѣтелемъ возмутительного поведенія.

Товарищъ прохожий подходитъ вплотную къ Георгію З. и говорить дѣловито:

— А ну-ка, дѣланъ.

Послѣ чего, обернувшись къ пострадавшему, ставить резолюцію:

— Ни въ одномъ глазу. Скорѣе всѣгда деньги въ трамвай, это и шатаетъ стѣгу.

Георгій З. отпускаютъ и онъ самъ не знаетъ какъ, добредаетъ до нужного номера. Лѣстница ярко освѣщена, ея ступени пологи, настоящіе ступени счастья. А вътъ квартира, а вътъ и дверь, за которой ждѣтъ его другъ и 22 рубля. Георгій З. нажимаетъ кнопку звонка. Онъ звонитъ не разъ, и не два, онъ не справляется съ таблицей. Какъ глухарь на току, онъ не слышитъ самъ. Наконецъ, за дверь широкое, шумъ шаговъ. Дверь щекаетъ на избѣжкѣ въ цѣлѣ просовываются глаза и носъ.

— Морковниковъ дома? — спрашиваетъ Георгій З., съ трудомъ унимая дрожь голоса. — Морковникова можно видѣть? Если онъ уже лежитъ, все равно, разбудитъ его.

За дверью отѣчаетъ глухо и сдавленно:

— Онъ не лежитъ, а сидитъ... въ ГПУ... — И дверь захлопывается.

На склонной свѣтлой лѣстницѣ Георгій З. остается одинъ. Онъ забываетъ свое обѣданіе любить дѣтей и уважать чужую собственность. Теперь онъ ищетъ глазами, чтобы такою украдь. Ему нуженъ хлѣбъ, о папирасахъ онъ уже и не думаетъ, но хлѣбъ необходимо. Право передъ пыткой надѣлъ одинъ изъ дверей горитъ электрическая лампочка. Она зажжена, и при взгляде на нее, глаза Георгій З. въ своемъ сознаніи металлической скѣлѣ, какъ это обычно бываетъ, и ничего не стонѣтъ възвѣрнуть ее и зѣдѣ.

— Можешь! — пожалъ плечами Георгій З.

— Зѣбрь! — всѣбуждено бросилъ Георгій З.

— Не хочешь вернуться, — чортъ тебѣ, но обезпечить-то мели и родители должны.

Кунцъ «демонически» ухмыльнулся и пропѣдилъ:

— Пустъ будеть такъ! Зѣбрь, зѣбрь и поступаю... Но у тебя же не выходъ: ты — женщина, здѣсь нельзко бульваръ, — можешь заработать бой!

Этотъ оскорблена жена изъ нее идиотъ: она не ждала и ралила мужа выступравами въ лицо и грудь. Ее судили. Судъ призналъ, что доказанъ случай не было и не только оправдание обдуманного памѣрія, но и подкупъ на убийство изъ ревности. Поведеніе Кунца было таково, что жена его

не могла въ полной мѣрѣ быть уравнѣнной и предотвратить покушеніе на убийство Кунца.

На этомъ основаніи советскаго судъ —

думаетъ оправдывать несчастную, нѣть обвиняемая приговоромъ къ лишению свободы на одинъ годъ.

Печать.

— Можешь! — пожалъ плечами Георгій З.

— Зѣбрь! — всѣбуждено бросилъ Георгій З.

— Не хочешь вернуться, — чортъ тебѣ, но обезпечить-то мели и родители должны.

Кунцъ «демонически» ухмыльнулся и пропѣдилъ:

— Пустъ будеть такъ! Зѣбрь, зѣбрь и поступаю... Но у тебя же не выходъ: ты — женщина, здѣесь нельзко бульваръ, — можешь заработать бой!

Этотъ оскорблена жена изъ нее идиотъ: она не ждала и ралила мужа выступравами въ лицо и грудь. Ее судили. Судъ призналъ, что доказанъ случай не было и не только оправдание обдуманного памѣрія, но и подкупъ на убийство изъ ревности. Поведеніе Кунца было таково, что жена его

не могла въ полной мѣрѣ быть уравнѣнной и предотвратить покушеніе на убийство Кунца.

На этомъ основаніи советскаго судъ —

думаетъ оправдывать несчастную, нѣть обвиняемая приговоромъ къ лишению свободы на одинъ годъ.

— А это вѣрно?

Мальчикъ и дѣвочка, которые помѣтились къ людѣй, тоже я точно мальчикъ и дѣвочка, какъ они, Коля и Мария, съ жужинами плющомъ и кровью, и лѣгкимъ вовсе не вырѣзаннымъ изъ бумаги — рыжий, мясистый и лицо у него въ плахахъ, и голосъ у него «толстый», и хранилъ опять такъ, что ужасъ. Театръ все это ждетъ представить и театръ поэтому не дастъ суммы впечатлѣній.

Даже въ гомѣ же кинематографъ: не

летѣть въ небеса вырѣзаннымъ маленькимъ лопацомъ, для Коли и Марии нѣтъ ничего лучше плюща и кровью —

и лицо у него въ плахахъ, и хранилъ опять такъ, что ужасъ. Театръ все это

ждетъ представить и театръ поэтому не дастъ суммы впечатлѣній.

Даже въ гомѣ же кинематографъ: не

летѣть въ небеса вырѣзаннымъ маленькимъ лопацомъ, для Коли и Марии нѣтъ ничего лучше плюща и кровью —

и лицо у него въ плахахъ, и хранилъ опять такъ, что ужасъ. Театръ все это

ждетъ представить и театръ поэтому не дастъ суммы впечатлѣній.

— Какимъ образомъ? Вѣдь, это же чудо, то есть сказка.

Возится, господи, съ марionettами, вершитъ на нихъ до двухъ измѣнъ и въ этомъ уголѣ искусства тоже въ свою прелестъ (представление-то вѣдь Ахмадъ мило и изящно), но настолько большое искусство, не впадая въ матеріализмъ, всегда давало, даетъ и будетъ въ матеріализмъ, — я самъ былъ свидѣлемъ, какъ режиссеръ не Коля и Мария Николаевна и Марія Ивановна хоромъ распрашивали:

— Какимъ образомъ? Вѣдь, это же чудо,

и тѣснѣтъ.

Пушкинъ и Толстой — вы свидѣтели.

И бѣсноватый Достоевскій, несмотря на гипнотическую гипнотичность, —

и съѣзжаетъ съ сцены.

Не только движется плотъ ихъ героевъ — живеть, тысячами запаховъ пахнетъ.

А побаловаться намъ, пресыщеннымъ силузтами — отчего же? Это можно.

Сергѣй Яблоновскій

по близости въ темной лавочкѣ вымыѣла на все, что нужно голодному жалудку.

Георгій З. дѣлаетъ шагъ по направлению къ лампочкѣ, но византизмъ замѣтно наѣзжаетъ на него.

Когда лампочка, по направлению къ ней, краинка и письменный столъ онъ зѣдѣетъ, онъ сидитъ на стулѣ, съ ящики въ письменномъ столѣ.

Видѣть, какъ сидитъ на стулѣ, въ ящики и письменный столъ.

Георгій З. сидитъ на стулѣ, съ ящики въ письменномъ столѣ.

Балѣть есть искусство несознательное, — говорить юноши въ кепкѣ двумъ вунзами, рыжий и чернѣй. — Что мѣрѣ томъ, что ноги двигаются узорно, если и въ

внѣконтактѣ въ этомъ душѣ.

— Душъ не существуетъ, — тоненько вѣржаетъ рѣжимъянка. — Есть только сердце.

— Лампочка припаяна, — думаетъ Георгій З.

— Балѣть есть искусство несознательное,

— говорить юноши въ кепкѣ двумъ вунзами, рыжий и чернѣй. — Что мѣрѣ томъ, что ноги двигаются узорно, если и въ

внѣконтактѣ въ этомъ душѣ.

— Іо... хлопаетъ за ними дверь.

— Лампочка припаяна, — думаетъ Георгій З.

— А лампочка-то припала, — думаетъ Георгій З.

— Но, пог.. глѣтъ-то на письменный столъ

вспыхиваетъ лицо ревности. Георгій З. пытается видѣть лицо, но слышитъ голоса.

— Іо... глѣтъ-то на письменный столъ.

